

прямо противоположным образом, причем сам и формулирует свой диалектический, адогматический подход: «С теоретической точки зрения дуэль — нелепость; ну, а с практической точки зрения — это дело другое» (8, 347). Между прочим, Раскольникову была дана подсказка о необходимости различения теории и практики. Ведь студент, излагавший в трактире подобные его собственным мысли, на вопрос собеседника — «убьешь ты сам старуху или нет?» — категорически отвечает: «Разумеется, нет!» (6, 55). Но Раскольников слышит только то, что хочет слышать. Выпрямляя факты и выстраивая их в заранее заготовленный ряд, он однолинейно мыслит и видит мир и так же однолинейно движется по своей судьбе.

А в Базарове неожиданно и в то же время органично сочетаются нигилизм — и философская глубина, объемность и многогранность восприятия мира; мальчишество, порой даже фразерство, — и зрелость, серьезность, мудрость. На реплику своего наивного, благодушного приятеля: «Надо бы так устроить жизнь, чтобы каждое мгновение в ней было значительно», — Базаров с удивительным для такого молодого человека, к тому же *нигилиста*, пониманием жизни отвечает: «Кто говорит! Значительное хоть и ложно бывает, да сладко, но и с незначительным помириться можно... а вот дразги, дразги... это беда». На ответную *пропись* Аркадия: «Дразги не существуют для человека, если он только не захочет их признать», — Базаров откликается очень точно отражающей стандарты колеблющегося между крайностями мышления формулой: «...это ты сказал *противоположное общее место*. (...) Оно как будто щеголеватее, а в сущности одно и то же» (8, 324). Между прочим, и раскольниковская идея *крови по совести* есть *противоположное общее место*. «Большой человек»,³⁴ как совершенно справедливо называет его Л. Пумпянский, Базаров готов примириться с «незначительным», Раскольникову же совершенно впору «категорический императив» Подпольного человека: «Второстепенной роли я и понять не мог и вот именно потому-то в действительности очень спокойно занимал последнюю. Либо герой, либо грязь, середины не было» (5, 133).

Базаров совершенно не прав в своем радикальном желании «место расчистить», как не прав во многих своих выпадах в сторону Павла Петровича, но Базаров, в отличие от Раскольникова, *обучаем*. По ходу романа он не только *открывается*, обнаруживая личностную глубину, но и *изменяется*, адекватно и очень достойно отвечая на разные жизненные вызовы и героически — на вызов смертный.

«Да, поди попробуй отрицать смерть. Она тебя отрицает, и баста!» (8, 391) — это не капитуляция, это верность себе, своему несокрушимому нравственному достоинству, своей готовности к *отрицанию отрицания*, т. е. к пересмотру и корректировке позиций, а в этом и выражается интеллектуальная сила и интеллектуальная честность. В конце концов, масштаб личности определяется не только и не столько содержанием исповедуемых и продуцируемых героем идей, сколько его взаимоотношениями с ними.

Сравнивая Базарова и Раскольникова, Г. Бялый утверждал, что «у обоих романистов герой создан идеей, теорией, она господствует над ним, подчиняет его себе, становится его страстью, его второй натурой».³⁵ Однако то, что верно относительно Раскольникова, оказывается неприложимо к Базарову. Чтобы еще раз подчеркнуть различие, уместно воспользоваться фор-

³⁴ Пумпянский Л. В. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 422.

³⁵ Бялый Г. А. О психологической манере Тургенева // Русская литература. 1968. № 4. С. 42.